MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80018-13

MICROFILMED 1991

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

PLATONOV, SERGIEI F.

TITLE:

N.M. KARAMZIN

PLACE:

S.-PETERBURG

DATE:

1912

Master Negative #

91-80018-13

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

947
P6977 Platonov, Sergiei Fedorovich, 1860-1933.
N.M. Karamzin. S.F. Platonova. Riech', proiznesennaia v sobranii 18 iiulia 1911 goda, po sluchaiu otkrytiia pamiatnika N.M. Karamzinu v selie Ostaf'evie. [N.M.Karamzin. An address] S.-Peterburg, Tipografiia M.M. Stasiulevicha, 1912.
10 p. 28 cm.

Reprint from "Ostaf'evskii Arkhiv," vol. 5, pt. 2.

VOLUME OF PAMPHLETS

13108

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 13X
IMAGE PLACEMENT: IA IIA IB (IIB)
DATE FILMED: 4-24-91 INITIALS M.B.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

AIIM

Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910

301/587-8202

Centimeter

Inches

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

4

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

Рѣчь, произнесенная въ собраніи 18 іюля 1911 г., по случаю открытія памятника Н. М. Карамзину въ с. Остафьевѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. В. о., 5 л., 28.
1912.

PRINTED IN RUSSIA

Н. М. КАРАМЗИНЪ.

С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

Рѣчь, произнесенная въ собраніи 18 іюля 1911 г., по случаю открытія памятника Н. М. Карамзину въ с. Остафьевѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. В. о., 5 л., 28.
1912.

Извлечено изъ 2-го выпуска V-го тома «Остафьевскаго Архива».

Съ чувствомъ большой робости начинаю я мое краткое слово. Хотя оно произносится въ тѣсномъ кругу собравшихся здѣсь родныхъ и почитателей Н. М. Карамзина, однако, говоря о Карамзинѣ, чувствуешь, что говоришь о темѣ общерусской и вспоминаешь только что произнесенныя предъ Вами слова Ѳ. И. Тютчева:

„Что скажемъ здѣсь передъ отчизной,
„На что-бъ откликнулась она?“

Вопросъ о значеніи Карамзина въ умственной жизни Россіи его времени—вопросъ не только сложный, но и спорный. Тѣ, кто выступалъ съ оцѣнкою Карамзина, какъ писателя и дѣятеля, рѣзко расходятся въ этой оцѣнкѣ. Для однихъ Карамзинъ—„святое имя“ русской литературы, „исполинъ русской словесности“. „При семъ магическомъ имени“ потрясалась „нервическая система“ современниковъ Карамзина, упоенныхъ красотами его „несравненныхъ повѣстей“, озаренныхъ „свѣтильникомъ грамматической точности“ его твореній, смотрѣвшихъ на Карамзина „съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ древніе взирали на изображеніе олицетворенной Славы и Заслуги“. Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ читателей остылъ паѳосъ рѣчей, но продолжала жить теплота чувствъ, возбужденныхъ Карамзинымъ. Въ примѣръ можно привести Ѳ. И. Буслаева. Въ разное время и по разнымъ поводамъ обращаясь къ Карамзину, Буслаевъ писалъ, что въ его юности Карамзинъ казался ему „самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ въ Россіи“, „наставникомъ и руководителемъ каждаго изъ русскихъ, кто пожелалъ бы сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ“. Въ знаменитыхъ „Письмахъ русскаго путешественника“ Буслаевъ видѣлъ „необычайную циви-

лизующую силу“, „зеркало, въ которомъ отразилась вся европейская цивилизація“. По мнѣнію Буслаева [въ 1866 году], „Письма русскаго путешественника даже въ періодъ дѣятельности Пушкина не теряли своего современнаго значенія,—частію имѣютъ они его и теперь,—потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя сдѣлались въ настоящее время достояніемъ всякаго образованнаго человѣка“. Каковы ни были оттѣнки отношенія къ „Исторіи Государства Россійскаго“, современники ставили ее на первое мѣсто въ кругу однородныхъ трудовъ и говорили, что Карамзинъ сдѣлалъ русскую исторію „извѣстнѣе не только для многихъ, но даже для самымъ строгихъ судей своихъ“. По мнѣнію одного изъ критиковъ [А. Селина], „Исторія Государства Россійскаго“ создала въ русскомъ обществѣ высшія требованія къ историческимъ трудамъ, воспитала въ немъ болѣе глубокое историческое пониманіе; „эти высшіе взгляды были слѣдствіемъ поразительнаго для насъ вліянія и безмѣрнаго любопытства къ прошедшему, возбужденнаго величайшимъ изъ талантовъ“.

Но рядомъ съ поклоненіемъ Карамзину живетъ осужденіе и растетъ забвеніе. Не говоря объ архаической критикѣ Шишкова и Арцыбашева, вспомнимъ позднѣйшее—именно то, съ чѣмъ приходится считаться въ настоящее время. Не обвиняютъ ли Карамзина за манерность и дѣланность чувствъ и слога въ его трудахъ, за его политическое умонастроеніе, за то, наконецъ, что онъ, какъ историкъ, былъ прославленъ несравненно больше, чѣмъ заслуживали его ученые пріемы и теоріи? Знакомство съ IV главою книги П. Н. Милюкова „Главныя теченія русской исторической мысли“ не покажетъ ли читателю, что Карамзинъ и въ наше время можетъ быть предметомъ не только изслѣдованія, но и обличенія? Большинство однако не чтитъ и не обличаетъ Карамзина, а плохо его помнитъ. Теперь потерянъ секретъ успѣха Карамзина, теперь уже не дѣйствуетъ чарованіе его повѣстей, и герои ихъ, по образному выраженію князя П. А. Вяземскаго, „окутались забвенья ризой“. Для обычнаго читателя необходимо усиліе ума, чтобы въ приподнятыхъ періодахъ Карамзинской рѣчи уловить ту „пріятность слога“, къ которой сознательно стремился авторъ и которая стала литературнымъ откровеніемъ для первыхъ читателей

„поразительной“ прозы Карамзина. Если наши отцы находили живой интересъ и душевную отраду въ чтеніи „Писемъ“, „Исторіи“ и повѣстей Карамзина, то наши дѣти уже не читаютъ ихъ иначе, какъ въ курсѣ исторіи литературы. Они улыбаются надъ тѣми ихъ красотами, которыя когда-то трогали и умиляли; имъ надо „объяснять Карамзина“, ибо часто они сами его уже не понимаютъ.

Въ курсахъ исторіи литературы такія „объясненія“ Карамзина, конечно, существуютъ. Въ нихъ Карамзинъ обыкновенно ставится въ тѣсную связь съ движеніемъ общеевропейской мысли. Переходъ ея отъ космополитизма къ націонализму, характерный для той эпохи, повлекъ за собою переломъ и въ литературной дѣятельности Карамзина. Преклоненіе передъ Европою, порожденное въ Карамзинѣ „идеалами космополитизма“, смѣнилось въ немъ „патріотическими настроеніями“ подъ вліяніемъ великихъ событій его вѣка. Глашатай европеизма и просвѣщенія Карамзинъ имѣлъ „великую заслугу“ въ томъ, что „приблизилъ литературу къ обществу“; это былъ первый писатель съ обширнымъ кругомъ непосредственнаго вліянія и великими заслугами“. Однако, „его вліяніе, какъ сентиментальнаго писателя, было непродолжительно“; позднѣе въ области политической „онъ являлся консерваторомъ“, которому остались чужды не только „либеральныя идеи“ младшаго поколѣнія, но и „прямыя серьезныя потребности русскаго общественнаго и государственнаго быта“. Въ такихъ и подобныхъ опредѣленіяхъ мы всегда видимъ, рядомъ съ похвалами, нѣкоторое „но“: или отрицается внутренняя цѣльность нашего писателя, или ограничивается срокъ и предѣлы его литературнаго успѣха. Образъ Карамзина тусклъ и неясенъ, а роль его сводится какъ будто бы къ роли талантливаго передатчика въ русскую публику сначала результатовъ новѣйшей европейской мысли, а затѣмъ итоговъ русской исторіографіи XVIII вѣка. Остается недоумѣніе, почему такое посредничество дало право Карамзину на „великую заслугу“ и почему современники почитали Карамзина за „исполина“ словесности. Остается горечь сознанія, что Карамзинъ, учившій все русское общество чувствовать и мыслить, самъ не избѣгъ „переворота его міросозерцанія“ и рѣзко измѣнилъ свои „настроенія“, перейдя изъ Екатерининской въ Александровскую эпоху.

Мнѣ кажется, что можно не слѣдовать современному намъ обычаю строить характеристику Карамзина на нѣкоторой антитезѣ его чувствъ, взглядовъ и настроеній. Дѣятельность Карамзина, взятая въ ея основныхъ чертахъ, проникнута на мой взглядъ цѣлостнымъ единствомъ умонастроенія и не страдаетъ противорѣчіями и внутренними несоотвѣтствіями. „Европеизмъ“ Карамзина уживался мирно съ его „патріотизмомъ“, и взаимная смѣна этихъ настроеній совсѣмъ не бывала „переворотомъ міросозерцанія“. Въ ихъ гармоническомъ соединеніи заключалась самая суть міровоззрѣнія нашего писателя; она-то и дала, намъ кажется, такой успѣхъ произведеніямъ Карамзина среди современнаго ему общества.

Чтобы понять такую точку зрѣнія, необходимо въ двухъ словахъ вспомнить, при какихъ условіяхъ выросло и сформировалось русское міросозерцаніе въ до-петровской Руси и какой переворотъ оно пережило вслѣдствіе реформъ XVII—XVIII столѣтій. Съ первыхъ вѣковъ русской исторической жизни, въ пору господства у насъ византійскаго вліянія, умы русскихъ книжниковъ были пріучаемы къ враждѣ съ латинскимъ Западомъ и къ противоположенію православной Руси латинствующей Европѣ. Греки воспитали на Руси чувство религіозной исключительности, а ходъ исторіи эту религіозную исключительность превратилъ въ національную замкнутость. Когда въ XV вѣкѣ погибло Греческое царство и взамѣнъ былого величія восточныхъ патріархатовъ настала для нихъ пора тяжелаго рабства, скудости и даже нищеты, Русь почувствовала себя единственной представительницей и поборницей древняго благочестія и стала на защиту своей вѣры, обрядовъ и обычаевъ со всею ревностью религіознаго чувства и со всею наивностью историческаго невѣдѣнія. Русскимъ книжникамъ представлялось, что Руси Богомъ суждено играть высокую роль „новаго Израиля“ и суждено основать послѣднее въ мірѣ „православное царство“, которое будетъ сіять до вѣка свѣтомъ истиннаго благовѣрія. Съ такой точки зрѣнія все прочее человѣчество представлялось погрязшимъ во тьмѣ невѣрія и предосужденнымъ на погибель. Коснѣвшая въ ересяхъ Европа не прельщала русскіе умы; къ ней относились свысока и отрицательно. Съ XV вѣка такія отношенія жили до XVII-го, до тѣхъ поръ, пока силою

вещей Московскому царству не пришлось начать систематическія заимствованія съ Запада. Презираемая Москвою Европа оказалась сильнѣе Москвы на поприщѣ военномъ и техническомъ; мало того, она умѣла жить полнѣе и веселѣй Москвы. Оттуда русскимъ людямъ довелось усвоивать и то, что было имъ рѣшительно необходимо, и то, что казалось имъ неотразимо пріятно. Оружіе и книга, хитрый механизмъ и дорогой товаръ, регулярный солдатъ и искусный актеръ—все шло съ Запада и говорило о его превосходствѣ и прелестяхъ. Торжество Западной культуры чувствовалось Русью чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе; при Петрѣ Великомъ оно было признано офиціально. Съ выступленіемъ Россіи на „ѳеатръ славы“ старое міросозерцаніе погибло; царской волей „новый Израиль“ обращенъ въ ученики Европы. Съ реформою Петра руководящіе классы русскаго общества рѣшительно отвернулись отъ родной старины. Если въ концѣ XVII вѣка начинали въ Москвѣ вводить „политесъ съ польскаго манеру“, то въ Петровомъ Петербургѣ стали жить съ манеру голландскаго и шведскаго, а позднѣе съ манеру французскаго. Какъ раньше московскіе стародумы брезгливо осуждали Западъ, такъ въ Петровское время брезгливо стали относиться къ родному прошлому. Старая привычка противоположенія Руси Европѣ осталась, но измѣнился взглядъ: осуждалось то, что раньше славилось; а то, что раньше презиралось, стало образцомъ для слѣпого подражанія. Въ умственной обстановкѣ XVIII столѣтія русскій человѣкъ чувствовалъ неизбѣжно ту пропасть, которая отдѣляла старую Русь отъ просвѣщенной Европы; чтобы стать европейцемъ, ему надлежало перескочить эту пропасть, бросивъ въ нее всѣ вѣрованія и преданія родного прошлаго. Примиреніе и совмѣщеніе казалось невозможнымъ, да для большинства европеизованныхъ русскихъ не было и желательнымъ. Они съ легкимъ сердцемъ усваивали европейскіе обычаи и взгляды, не оглядываясь въ до-петровскую Русь.

Только отдѣльные русскіе люди XVIII вѣка не раздѣляли общаго настроенія молодой русской интеллигенціи и смущались вѣковой проблемой объ отношеніи Руси къ Западу. Ни отрицать Западную культуру, ни презирать русскія преданія они не могли; но они одинаково же не могли построить стройную систему міро-

воззрѣнія на синтезѣ двухъ непримиренныхъ стихій: національной старо-русской и общечеловѣческой европейской. Не видя выхода для своихъ сомнѣній и противорѣчій, они не обнаруживали цѣльности настроенія и опредѣленности взглядовъ; но они сами служили яснымъ доказательствомъ того, что настоятельно нужно искать этой цѣльности и опредѣленности, нужно стремиться къ синтезу и разрѣшенію вѣкового противорѣчія. Типическимъ представителемъ людей такого направленія былъ Николай Ивановичъ Новиковъ, апологетъ старой Руси и поклонникъ просвѣщенія. По отзывамъ изслѣдователей, изучавшихъ его дѣятельность, Новиковъ „не умѣетъ связать въ опредѣленный взглядъ своихъ представленій о старинѣ, о достоинствахъ русскаго народнаго характера, о просвѣщеніи, о новѣйшей порчѣ нравовъ"; „весь первый періодъ дѣятельности Новикова проходитъ въ борьбѣ между увлеченіемъ нашими національными свойствами и сомнѣніемъ въ ихъ идеальной высотѣ". Внутреннія колебанія между различными точками зрѣнія привели Новикова къ масонству, а масонство отвело его въ иную область интересовъ, обратя энергію Новикова на дѣла филантропіи и народнаго просвѣщенія. Ни Новиковъ, ни иной кто изъ его современниковъ не разрѣшилъ угнетавшей ихъ умъ загадки о томъ, какъ можно бы было согласовать два порядка идей и чувствъ, требовавшихъ въ ихъ душѣ согласованія. Но вопросъ былъ ими поставленъ на очередь, и тема объ отношеніи національнаго сознанія къ принципу космополитизма требовала рѣшенія.

Мнѣ кажется, что это рѣшеніе далъ Карамзинъ и что именно имъ онъ и снискалъ себѣ небывалый успѣхъ въ литературѣ. Въ сознаніи Карамзина вопросъ объ отношеніи національнаго къ общечеловѣческому, конечно, существовалъ, но совсѣмъ не имѣлъ старой остроты и мучительности и обратился въ простую теоретическую тему. Въ произведеніяхъ своихъ Карамзинъ вовсе упразднилъ вѣковое противоположеніе Руси и Европы, какъ различныхъ и непримиримыхъ міровъ; онъ мыслилъ Россію, какъ одну изъ Европейскихъ странъ, и русскій народъ, какъ одну изъ равнокачественныхъ съ прочими націй. Онъ не клялъ Запада во имя любви къ родинѣ, а поклоненіе западному просвѣщенію не вызывало въ немъ глумленія надъ отечественнымъ невѣжествомъ. Космополитическая идея единства міровой цивилизаціи вела его къ утвержденію, что „все народное ничто передъ человѣческимъ; главное дѣло быть людьми, а не славянами". Но это утвержденіе не отрицало ни народности, ни патріотизма. Карамзинъ не противорѣчилъ себѣ, когда въ своемъ знаменитомъ разсужденіи „о любви къ отечеству и народной гордости" писалъ, что „русскій долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою;... станемъ смѣло наряду съ другими, скажемъ ясно свое имя и повторимъ его съ благородной гордостью". Исходя изъ мысли о единствѣ человѣческой культуры, Карамзинъ не устранялъ отъ культурной жизни и свой народъ. Онъ признавалъ за нимъ право на моральное равенство въ братской семьѣ просвѣщенныхъ народовъ. „Какъ человѣкъ, такъ и народъ (писалъ онъ) начинаетъ всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть самъ собой, чтобы сказать: я существую нравственно". Такая постановка вопроса упраздняла прежній антагонизмъ, разрѣшала прежнія недоумѣнія. Проповѣдь мира и единенія смѣняла собою вѣковые толки о непримиримой разности русской и европейской стихій и была „новымъ словомъ" Карамзина въ русской литературѣ. Это „новое слово" дѣйствовало на умы особенно сильно и вліятельно потому, что не было сказано въ видѣ сухого разсужденія, а явилось основой обаятельныхъ по формѣ литературныхъ твореній. Оно не только убѣждало, оно прельщало.

Современники чувствовали за Карамзинымъ эту патріотическую заслугу моральнаго оправданія нашей народности въ міровой средѣ. Вопреки репутаціи космополита, иногда сопровождавшей имя Карамзина, его почитали за великаго патріота. А. Стурдза, отмѣчая, что въ Карамзинѣ „соединялся духъ русскаго съ европейскою образованностью", признавалъ, что Карамзинъ „началъ и открылъ для насъ періодъ народнаго самосознанія". Иными словами ту же мысль выразилъ кн. П. А. Вяземскій, сказавъ, что Карамзинъ показалъ, „что у насъ есть отечество". В. В. Измайловъ хвалилъ Карамзина за то, что онъ „старался при всякомъ случаѣ возвысить въ Россіянахъ чувство народнаго и человѣческаго достоинства", а Марлинскій отмѣтилъ, что Карамзинъ „преобразовалъ книжный языкъ русскій... и далъ ему народное лицо". Такъ

къ числу прочихъ литературныхъ заслугъ и пріятностей Карамзина присоединялась и эта заслуга первыхъ шаговъ на поприщѣ народнаго самоопредѣленія.

Если высказываемыя мною мысли вѣрны, онѣ даютъ намъ наиболѣе правильное объясненіе того, почему Карамзинъ обратился отъ литературныхъ къ историческимъ трудамъ. Изученіе исторіи народа всегда признавалось лучшимъ средствомъ народнаго самопознанія. Для Карамзина оно и было средствомъ къ тому, чтобы, говоря его собственнымъ словомъ, „русскій по крайней мѣрѣ зналъ цѣну свою“.

С. Платоновъ.